

Нечленимые высказывания в «поле» коммунальной речи

Т. П. Гуськова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДРОФА», МОСКВА

Аннотация: Материалом исследования послужил корпус единиц, определяемый в современной русскоязычной лингвистической литературе как «нечленимые предложения» (В. В. Бабайцева и др.), «коммуникемы» (В. Ю. Меликян), «коммуникативы» (И. А. Шаронов). Нечленимые конструкции охарактеризованы в статье как востребованные так называемым «языком коммунальных квартир» (В. Тупицын) единицы разговорной речи. Втягиваясь в пространство «речеверчения», любые единицы языка адаптируют свои свойства к потребностям коммунальной коммуникации. Автор трактует нечленимые конструкции в качестве социального «кода» взаимодействия говорящих, средства, моделирующего бытовую картину мира. Определяется общая прагматическая установка этих конструкций. Русская речевая стихия на протяжении почти столетия понимается прежде всего как зафиксированная в слове стихия коммунального способа существования. Коммунальный словообмен использует свойственную нечленимым высказываниям способность к «обработке» фрагмента действительности, означиванию социальных ролей участников коммуникации, структурированию диалога.

Ключевые слова: нечленимое высказывание, разговорная речь, речевое взаимодействие, косвенный речевой акт.

УДК: 811.161.1'367.

Контактная информация: Москва, Огородный проезд, д. 5, стр. 2. Издательство «Дрофа». Тел. 8-968-014-29-13. E-mail: tag525@hotmail.com.

Язык коммунальных квартир – это и национальное бедствие, и национальное достояние России.

В. Тупицын¹

1

Коммунальное бытие не только отражается в массовом сознании ностальгическими воспоминаниями о «счастливой эпохе», подпитываемыми киностилистикой 40–50-х годов XX века, не только закрепляется как тема для художественного осмысления² или задает тональность повествования – от вторящего булгаковскому восклицания Н. Горлановой: «О, квартирный вопрос! Во всех странах есть вечные темы: жизни и смерти, одиночества и веры, а у нас в России еще одна вечная тема – квартирный вопрос...» [Горланова, 2002] до совсем уже брутального замечания А. Волоса: «...все равно все обмены и переезды заканчиваются одним – принудительным переселением в тесноватую потустороннюю коммуналку» [Волос, 2001], но и шире – определяются как «символ культурного ландшафта эпохи»³, явление отечественной «географии», оказавшее «непреодолимое влияние на синтаксис, нрав, да и на масштаб личности ее уроженцев»⁴. Закономерно, что и русская речевая стихия на протяжении скоро уже целого века – это прежде всего зафиксированная в слове стихия коммунального способа существования, коммунального быта⁵.

¹ См.: [Тупицын, 1997, с. 174–175].

² См., например: [Шварц, 1996].

³ Автор рецензии на сборник статей Вл. Кагановского «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» (Серия «Библиотеки журнала “Неприкосновенный запас”»). М.: НЛЮ, 2001. 576 с.) отмечает: «Главное свойство российской географии – это простор. В советском быту, однако, это свойство не было явным: коммуналки, «хрущобы», городской общественный транспорт, колбасные электрички являются символами не только, как принято говорить, времени, но и культурного ландшафта эпохи» [Аверюшкин, 2002, с. 222].

⁴ «...в разное время Александр Кушнер и Мария Розанова замечали, что география страны проживания оказывает непреодолимое влияние на синтаксис, нрав, да и на масштаб личности ее уроженцев» [Быков, 2000, с. 200].

⁵ Л. В. Щерба, говоря об обусловленности языкового развития обстоятельствами жизни социальных групп, подчеркивал, что в языковой системе мы имеем «некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы... Но малейшее изменение в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы, как-то: иные формы труда, переселение, а следовательно, и иное окружение и т. п., немедленно отражается на изменении и речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом, поскольку новые условия касаются всех членов данной группы» [Щерба, 1931].

Коммунальное бытие – феномен исключительно отечественный. Так, Н. Климонтович, описывая посещение галереи современного искусства в Вашингтоне, замечает: «...в галерее экспонировалась инсталляция Ильи Кабакова “Коммунальная квартира”. Я побродил по этому ностальгическому для меня интерьеру, даже дернул ручку бачка над унитазом, – ручка была настоящая. Вот ведь, не было бы Алика Сидорова – и не ведала бы до сих пор вашингтонская публика, что такое коммуналка, у них, людей темных, в ихнем языке и слова-то такого нет» [Климонтович, 2002, с. 105]¹.

В. Тупицын, автор совместной с И. Кабаковым статьи «За пределами коммунальной речи» [Кабаков, Тупицын, 1992], пишет: «Сразу же после Революции началась реквизиция и – одновременно – массовое заселение городских квартир, особенно в центральных районах. Норма не превышала одной комнаты на одного жильца. К 1924 году эта норма снизилась до восьми квадратных метров на человека. Так как заводы и фабрики находились в основном на окраине, то рабочих поначалу возили туда на автобусах. Так осуществлялась программа пролетаризации центра. После смерти Ленина и одновременно со свертыванием новой экономической политики (НЭП) в советской России начался период коллективизации, ассоциируемый с первыми шагами так называемой “сталинской революции”. Крестьяне, составившие в дореволюционное время подавляющее большинство населения, были насильственно рекрутированы в колхозы. Многие из тех, кто сумел избежать коллективизации (или связанных с ней репрессий), мигрировали в города, что, как известно, привело к возникновению чудовищной жилищной проблемы.

Критичность ситуации оказалась удобным предлогом для осуществления одного из самых амбициозных проектов в истории России. Таковым оказался проект, направленный на тотальную деиндивидуализацию сознания и быта населения страны. Городские квартиры стали в законодательном порядке уплотняться наподобие муравейников и пчелиных ульев. Различные семьи, зачастую принадлежавшие к несхожим социальным или этнокультурным группам, принуждены были слиться в единое коммунальное тело. Туалеты, ваннные комнаты и кухни превращались в аренду “великого эксперимента” – аренду повальной коммунализации. Тонкие стены и перегородки не способствовали уединению – тому, что на Западе называют “*privacy*”. Отвыкая от себя (себя как индивидуальности), обитатели коммунальных “терм” становились узниками друг друга» [Тупицын, 1998, с. 17]. Результат данного эксперимента не замедлил сказаться: «В двадцатые годы... нарождалась новая историческая общность, позднее названная одним желчным человеком “гомо советикус”, людей обездоленных, завистливых, задерганных, замученных условиями жизни, с растоптанным человеческим достоинством и оттого норовящих унижить

---

¹ Упоминает об этом проекте И. Кабакова и А. Жолковский в «Новых виньетках»: «...его предыдущие работы играли в советские учреждения (соц-реализм, “Мурзилку”, коммуналку)» [Жолковский, 2001, с. 174–175].

ближнего, осечь того, кто высовывался из общего ряда...» [Варламов, 2002, с. 163]¹.

3

Коммунальная коммуникация – явление столь же уникальное, как и коммунальный мир, ею обслуживаемый. Но именно в силу своей уникальности и предназначенности для «внутреннего употребления» (П. Серио) лингвистический аспект «коммунального бытия» не стал, как отмечает В. Тупицын, предметом рассмотрения в работах западных исследователей: «Если на Западе коммуналка – гетто, то в СССР в подобном гетто жили почти все. Так как в Европе и Америке коммунальность – миноритарный феномен, то коммунальная речь не попадает в поле зрения элитарных мейнстримных или маргинальных теорий, которые фокусируются в основном на языках подавления или сопротивления, а не на лексике того, что подавлено, сломлено, низведено до уровня словесного мусора» [Тупицын, 1998, с. 21]².

Но отечественный «словесный мусор» все чаще начинает притягивать внимание лингвистов: «...в обыденной речи мы вербализуем нашу чувственную сферу и порой прибегаем к распространенным наречиям: “чрезвычайно”, “очень”, “весьма”, “здорово” (“он здорово пострадал!”), “страшно” (“я страшно рада!”) или же к восклицаниям, бессодержательность которых (разрядка наша. – Т. Г.) в рассказе “Как я строил дом” шутливо изображена Ю. Казаковым: “Все останавливались и говорили разные слова. Одни говорили: – Ай-яй-яй! Другие говорили: – Вот это да! Третьи говорили: – Ну и ну! А четвертые говорили: – Ничего не скажешь!”» [Салямон, 1997, с. 54]³. И не только лингвистов. Так, В. Новиков, герой романа которого «еще году в семьдесят пятом... задумал надкоммуникативную лингвистику – в самом общем виде», размышляет: «Есть части речи, есть частицы – всякие там школьные “бы”, “ли”, “же”. А я вот обнаружил еще своего рода дискурсивные макрочастицы, которые характеризуют говорящего больше и точнее, чем все его рассужданы. Есть, например, частицы лжи, типичнейшая их них – Я НИКОГДА

¹ Ср. дневниковую запись М. Чудаковой от 17 сентября 1973 г.: «Прошел навстречу по бывшей Моховой мимо Пашкова дома высокий старик с бородой, в длинном, до пят, пальто, с непокрытой головой. Боже, как редки теперь такие встречи! Помню еще того, кто кричал на эскалаторе про Грядущего хама. Всех, всех извели дотла. А ведь они могли еще часто встречаться на улицах» [Чудакова, 2000].

² См., в частности: [Эпштейн, 1991; Вежбицка, 1993; Земская, 1996; Басовская, 1995].

³ Л. С. Салямон отмечает, в частности, трудности, с которыми связано извлечение информации из подобных эмоциональных высказываний. Ср. также: «Дать толкование значения модального слова или частицы – значит дать более или менее развернутое описание речевой ситуации, где в первую очередь учитывается коммуникативное намерение, достоверность и важность информации» [Булгак, 1995, с. 82]. См. и другие работы, посвященные анализу так называемых «мелких слов»: [Баранов, 1994; Колодезнев, 1969; Кибрик, Богданова, 1995; Зельдович, 1999; Василенко, 1984; Николина, 1996; Соколова, 1995; Яковлева, 1992; Нагорный, 1993; Булгак, 1998; Шаронов, 2009].

НЕ. Достаточно зафиксировать в речи субъекта одну такую последовательность, чтобы точно знать, что он врун. Частиц истины, к сожалению, нет, но зато есть частица смелости – ДАЖЕ ЕСЛИ. Стоит ее ввести в свои тревожные раздумья или эмоции – и мелкого страха как не бывало. [...] Еще есть частицы глупости, например: КАК ОН МОГ? (во всех лицах и числах: ты мог, они могли и т. п.) – умным этот вопрос быть не может никогда. Есть частицы мудрости – такие честные сравнительные обороты, которые доступны лишь немногим говорящим и думающим о себе самом. Когда говоришь: я, мол, считаю так-то, люблю или не люблю то-то и то-то, – добавь если не вслух, то про себя: КАК МНОГИЕ, или: КАК БОЛЬШИНСТВО, или: КАК ВСЕ. Сколько пустых тавтологических суждений тогда можно отбросить!..» [Новиков, 2000, с. 52].

Какая-то тайна¹ заключена в этом «мелком соре повседневной жизни» (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова): кажется, раскрой ее², и объясним страну, в которой живем – ибо, как отмечают исследователи «языкового существования города», «речевые стереотипы, подобно барометру, чутко реагируют на колебания социальной атмосферы общества»³.

4

Коммунальный способ существования с неизбежностью должен был зафиксировать себя в речи. А. Д. Швейцер утверждает: «Коллектив общения, или коммуникативный коллектив, представляет собой объединение лиц, связанных общей деятельностью и поэтому регулярно вступающих в речевые контакты. Таковы семья, соседи, артель, предприятие, учебный класс, корпорация. В пределах коллектива общения устанавливаются устойчивые формы речевых отношений и вычлениаются стандартные речевые роли» [Швейцер, 1976, с. 73]. Коммунальная коммуникация сконцентрировала и обслужила

¹ Один из персонажей Г. Щербаковой говорит «на хорошем русском, которому Богом дано выражать словами много больше, чем только смысл самих слов. В русской речи еще нечто – над-слобие, подслобие, – а есть и что-то прилившееся рядом... Правильно делают те, кто упорно овладевает английским. Вот он как раз создан для того, для чего и быть языку – для понимания, тогда как наш великий и могучий – и для понимая конечно же! – но и для того, что над... под... и сбоку...» [Щербакова, 2000].

² См., например: [Левонтина, Шмелев, 1996; Шмелев, 1996]. Ср. развивающее известную строку С. Черного («вооружившись российским знаменем авось») стихотворение Л. Миллер: *Осенний дух листвой шуршит, / Увещевает: «Брось, / Пускай судьбу твою решит! Счастливое АВОСЬ. // АВОСЬ – отмычка, верный ключ, / Решенье всех задач... / По рукаву сползает луч... / Не мучь себя, не плачь. // Точнее слов в запасе нет / Про время и про путь, / Чем невесомые чуть свет, / Авось, когда-нибудь...*

³ «Речевые стереотипы, подобно барометру, чутко реагируют на колебания социальной атмосферы общества. Такие материалы обладают социокультурной значимостью. Записи, фиксирующие «мелкий сор повседневной жизни», отражают языковое существование города» [Китайгородская, Розанова, 2000, с. 349].

многие черты русского национального характера, подвергшегося испытанию проживанием в коммунальных «термах»¹. «В коммуналке речевые акты (“речепоступки”) превалировали над всем остальным. Каждый из соседей тем или иным образом вовлекался в процесс “серийного” говорения – будь то сплетни, выяснение отношений, брань, клевета или любые другие формы “речеверчения, участия во всеобщем кудаханье”. В результате – по мнению Кабакова [...] “с течением времени поднялось как на дрожжах и набухло чудовищное тело коммунально-речевого китча”», – отмечает В. Тупицын [1998, с. 18]² и приводит образчик коммунальной речи, воссозданной И. Кабаковым: «По словам Ильи Кабакова, мир за стенами коммуналки прекрасен и един. Только мы живем раздробленно, мы говно. Так было при Сталине. Важную роль играл репродуктор – Левитан и бодрые голоса... “Утро красит нежным светом...” и т. п. А здесь вы, блядь, нассали в уборной и не могли, блядь, за собой убрать, а кто за вами будет убирать? И в этот момент раздается: “Москва моя, страна моя”. И, причем, это действует действительно бессознательно. Там – рай, там молодые, юные существа идут на физпарад. А вы здесь, блядь, живете как собака. Постыдились бы!» [Там же, с. 17–18]³.

5

В «поле» коммунальной коммуникации втягивались самые разные элементы языковой системы. И если М. Н. Кожина отмечает характерное «для разговорной речи колебание грамматического значения у местоимений»⁴, а М. Э. Хайитова решает вопрос: «“У нас” – это где?» [Хайитова, 1995], то В. Тупицын применительно к коммунальной коммуникации делает следующие наблюдения над изменением значения подобных единиц: «...любой текст коммуналки в той или иной форме – на уровне автоматического, бессознательном, – пропитан понятиями и терминами, которые проникают из... большого мира, прежде всего в огромном количестве безличных местоимений, которые

¹ «Национальный характер отражается как в художественной литературе, философии и публицистике, искусстве, так и в языке. Ибо язык – зеркало культуры, в нем отображен не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Сунн Яньвэй, 2003, с. 28]. Ср. также: «Так, страсть к всевозможным поучениям и советам, присущая типично советской модели поведения, объясняется не только привычкой все регламентировать, перенятой у государства, но и как проявление одного из свойств русской души – бескорыстного позыва проповедовать, помогать оступившемуся (другим проявлением этой бескорыстной потребности указывать объявляется экспорт социалистического режима окружающим государствам)» [Юзбашев, 2000, с. 217].

² В. Тупицын цитирует работу: [Кабаков, Тупицын, 1992, с. 23].

³ Автор цитирует работу: [Кабаков, Тупицын, 1992, с. 23].

⁴ «Характерно для разговорной речи колебание грамматического значения у местоимений (Так *она* и есть)» [Кожина, 1983, с. 212].

так потрясают иностранцев. Это *они, оно, у нас* и, вообще, безличные формы: *приходят, придут, принято*. То есть огромное количество речений, не связанных в принципе с конкретными обитателями коммуналки. Например, – *не завезли, выбросили, сегодня не подошло*, – формы недостаточности, неопределенности, надежды и т. п. Словом, большой мир выступает в форме неопределенных текстов. Пример: *Сегодня не завезли свежий хлеб, простояла зря*. Или: *Сегодня батареи опять холодные. А уголь-то вчера, я видел, разгрузили, прямо посреди двора*. Словом, внешний мир выступает в формах только страдательных глагольных форм. Я уже не говорю о формах выселения, ремонта, выноса мусора – все это *оно* делает. Вообще, – мера беспомощности коммунальной жизни перед внешним миром ужасающая. Никто в коммунальной квартире не прибьет доски, не починит кран, потому что все эти функции выполняет *оно*» [Тупицын, 1998, с. 22] ¹.

Функционируя в разговорной речи, типичной сферой проявления которой является «сфера бытовых отношений» [Кожина, 1983, с. 209], будучи вовлеченными в сферу коммунальной речи как подсистему первой, единицы языка (лексические, грамматические, синтаксические) адаптировали свои потенциальные свойства к потребностям коммунальной коммуникации или же не были ею восприняты и отторгались ².

В результате этого, отмечает В. Тупицын, сложилась целая система средств коммунального «речеворечения» с присущими ему чертами фрустрации и истерогенностью контраста между коммунальным бытом и идеологическим фасадом [Тупицын, 1998, с. 17].

6

Среди единиц, чьи свойства удовлетворяли задачам и характеристикам коммунальной речи, оказались нечленимые высказывания ³. Не столь демон-

¹ Цитируется фрагмент работы: [Кабаков, Тупицын, 1992, с. 23].

² Ср.: Виктор Чиграшов родился в день летнего солнцестояния 193... года. Мать его была дворянского, хотя и затрапезного, роду-племени. И квартира на Чистых прудах, в которой уже на моей памяти Чиграшов занимал одну-единственную комнату, некогда целиком принадлежала его бабушке по матери. Старуха, по воспоминаниям Чиграшова, была существом довольно вздорным и спесивым, даром что лишенкой. До конца дней своих она не могла в душе смириться с «уплотнением» фамильного гнезда и прочими унижениями, на которые был так щедр новый режим, и однажды в пылу коммунальной склоки выкрикнула в лицо соседке-плебейке, обосновавшейся вместе со своим придурковатым сыном в бывшем кабинете покойного деда:

– Когда мир был миром, вы были прахом!

– Согласитесь, Лева, фраза хороша и просится в уста какого-нибудь обитателя фолкнеровского Юга, – говорил Чиграшов. – Впрочем, особенного мужества эта гневная отповедь от моей бабушки не потребовала: несчастная простолюдинка страдала глухотой [Гандлевский, 2002, с. 31].

³ В лингвистической литературе эти единицы определяются по-разному, что связано с различием точек зрения, с недостаточно четким разграничением

стративно и эксцентрично театральные, как процитированный выше образец коммунальной речи, они были задействованы коммунальной речью скорее именно как способ ненаказуемо реагировать на аналогичные ситуации коммуналного говорения, и явились не результатом, но освоенным коммунальной коммуникацией элементом речи разговорной¹, как нельзя кстати обслуживающим речевые потребности всех населяющих коммунальный «дом бытия». Н. Д. Арутюнова отмечает: «Если высказывание признается в том или ином отношении неуместным, то адресат делает парирующий ход. Отпор может быть вызван любым компонентом коммуникативной ситуации. Прагматика речи составляет своего рода “отводной канал”, по которому устремляется основная масса косвенных реакции. Последние отлились в виде диалогических шаблонов, многие из которых имеют форму либо вопроса-ответа, либо императива, т. е. призваны ответить ударом на удар. Таким образом, ответная тактика в большой степени обусловлена расхождением собеседников в оценке того, насколько речевой акт вписался в право, прагматическую рамку. Если говорящий периодически делает попытки преступить в том или ином пункте границу корректности, то для адресата характерно стремление не допустить такого рода нарушений, восстановить свои права» [Арутюнова, 1981, с. 360].

Язык коммунальных квартир (и далеко не тех, что вспоминает А. Герман в фильме «Мой друг Иван Лапшин»), ностальгически описывает в «Покровских воротах» Л. Зорин или представляет как советский ад Р. Варнье в «Востоке-Западе») с начала 20-х годов XX века использовал феномен нечленимых конструкций, не им порожденный, но именно как феномен речевой коммунальной эпохи отечественной действительности завершивший свое формирование.

Возникнув задолго до явления русского коммунального бытия (эти тексты-высказывания как элемент русского коммунального пространства отмечаются грамматиками с XVIII века), задолго до эпохи коммунальных квартир с их подселением, несовпадением социальных и иных статусов и социального прошлого проживающих, с разными навыками профессионального и бытового существования, они стали обязательным и необходимым элементом комму-

---

явлений языка и речи, а также со смешением морфологических характеристик слов, их формирующих, и их функциональных характеристик. Для обозначения этих единиц в специальной литературе употребляются названия *эквиваленты слова, нерасчлененные экспрессивные однословные предложения, эквиваленты предложения, нечленимые предложения, междометные предложения, предложения междометного характера, слова-коммуникативы, коммуникемы, фразоиды, фразеологизированные реплики, речевые рефлексы, прагмемы, высказывания, не воспроизводящие структурных схем предложения и не являющиеся их регулярной реализацией, слова-предложения, стационарные предложения*. См.: [Грамматика русского языка, 1954; Валгина, 1978; Бабайцева, 1979; Бабайцева, Максимов, 1987; Киприянов, 1961; Матевосян, 1992; Меликян 1999; Шаронов 2008].

¹ Отмечается, что нечленимые конструкции «употребляются и функционируют в диалогической речи, свойственны разговорному языку» [Валгина, 1978, с. 382], это «своеобразные языковые конструкции, употребляемые в разговорной речи, особенно в диалоге» [Киприянов, 1961, с. 51].

нального «речевращения», пронизав речь всех – от уборщицы и ассенизатора до академика. Они, не будучи порождением коммунального словообмена¹, стали его отличительной чертой, совокупностью не «знаков», но «сигналов», своеобразным кодом, социальным языком, позволяющим говорящим, не неся никакой ответственности за свои речепоступки, высказаться обо всем – используя так называемые «косвенные защитные реакции»: *Куда же еще?; А кто же еще?; Разве ты не видишь?; Как видишь!; Я вот тебе...; Как (каким тоном) ты со мной разговариваешь?; Нашел время спрашивать; Другого времени (места) для разговора не мог найти; Поговорим в другой раз; Тебя не спрашивают; Тебе какое дело; Не тебе это говорить; Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала; А тебя кто спрашивает?; Кому ты это говоришь?; А мне-то что до этого; Рассказывай кому-нибудь другому; Почему ты меня об этом спрашиваешь?; Зачем об этом говорить при детях?* [Арутюнова, 1981, с. 359–360].

7

Нечленимые конструкции, еще М. В. Ломоносовым отмеченные², Н. И. Новиковым в «Опыте модного словаря щегольского наречия» впервые описанные как переменившие свое значение в результате переосмысления под влиянием употребления их аналогов во французской речи³ (сегодня рассуж-

¹ На существование единиц, являющихся своего рода готовыми «формулами», обратили внимание Л. П. Якубинский [1923], А. М. Пешковский [1956, с. 398–399], Е. Д. Поливанов [1968, с. 59], О. Есперсен [1958, с. 16–23], А. И. Смирницкий [1956, с. 228–230]. Отмечается, что «в процессе языкового общения» используются предложения, «которые не создаются каждый раз заново, а повторяются, воспроизводятся» [Матевосян, 1989, с. 79–82]. Л. Б. Матевосян, относя к таким единицам конструкции типа *Как поживаете (-есть)?; Сколько вам (тебе) лет?; Вы (ты) кашу заварили, вы (ты) и расхлебывайте*, подчеркивает, что они не имеют характера цитирования, так как являются общим достоянием народа. Цитируя работу А. И. Смирницкого «Лексикология английского языка (М., 1956), Л. Б. Матевосян отмечает, что они «выступают не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто, уже существующее и лишь воспроизводимое в речи» [Там же, с. 79].

² О нечленимых конструкциях (в современной терминологии) в «Российской грамматике» М. В. Ломоносов заключает: «Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения». Это положение иллюстрировалось следующим ставшим хрестоматийным примером: «... Семпроний, видев нечаянно Тиция, молвил: ба! Вместо сего: я удивляюсь, что тебя здесь вижу» [Ломоносов, 1952, с. 76].

³ Описывая существовавшие в основном как переводы с французского словечки и обороты светского жаргона – «щегольского наречия», модного в 1760–1770-х годах, Н. И. Новиков в «Опыте модного словаря щегольского наречия» создает иронический, но, представляется, точный «портрет» одной из таких, уже социализованных в своем употреблении единиц: «Ах! В щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде

дать о них как о косвенных речевых актах стало уже вполне традиционным), бывшие в XVIII–XIX веках приметой светской беседы, – пройдя сквозь горнило коммунального «речеверчения», приобрели ряд свойств, позволяющих рассматривать их как чрезвычайно действенное средство воздействия в речевом пространстве уже постсоветской эпохи. Ибо, мир отразив, они его в себе закрепили и теперь моделируют его вне желания тех, кто ими пользуется¹. «Удивительно, до чего часто у нас возникает иллюзия, будто мы вольны в своих поступках, тогда как на практике выясняется, что нами движет строгая приверженность определенным формам поведения, которые мы, возможно, очень хорошо чувствуем, однако сформулировать можем лишь самым расплывчатым и приблизительным образом. Причем, по-видимому, мы ведем себя тем более уверенно, что не осознаем управляющих нами стереотипов» [Сепир, 1993, с. 599]. Теперь уже (в отличие от периода формирования каждой нечленимой конструкции, когда под воздействием принципа «речевой экономии» они стали удобным способом сокращения и исключения скучных повторений одного речения, по М. В. Ломоносову) не действительность их, но они творят и действительность, и сознание говорящих – укоренившись в русской речевой стихии, они теперь сами предпочитают творить мир и реальность вокруг нас. Не с коммуналкой родившись на русской почве, не будучи ее продуктом, ее порождением, став ее отличительной речевой чертой, эти тексты не исчезли с ней. Ибо, как уникальное достояние отечественной цивилизации (как и всякой

сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса. Первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его в свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустушие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменив его употребление. В их наречии их большею частью преследуется смехом, а иногда говорится в пророческом смысле; итак, удивительный и ужасный ах переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросветленные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки и под венцом стоя рыдали, а нынешние смеются; да притом же старый ах плакал довольно, так пора ему и посмеяться» [Новиков, 1985, с. 46–47]. Пожалуй, именно язык «щеголей» и «щеголих», перенявший особенности французского употребления междометий, дал толчок к развитию нечленимых единиц в русской разговорной речи и стал первым шагом к становлению их как косвенных речевых актов.

¹ «Воздействие через язык осуществляется не простым путем оценочных высказываний типа: «это – хорошо», «это – плохо», а различными языковыми обозначениями, которые содержат социально обусловленный оценочный компонент. Применение подобных обозначений позволяет выразить оценки имплицитно, незаметно для коммуникантов и вызвать у них соответствующее отношение и поведение. При этом имеется в виду не то воздействие, которое Я оказывает и распространяет сам по себе, а то, что оценки и взгляды определенных социальных групп закрепляются в разных точках зрения на языковое употребление и в дальнейшем переносятся языком на специальное воздействие соответствующих социальных групп» [Матвеева, 1984, с. 5–6].

другой), они отражают «дух народа», теперь уже «навязывая» ему видение мира сквозь призму себя. Может быть, потому, что «коммунальные жители – не более чем футляры и коробки из-под слов, звуковой реквизит, пуанты и котуры, подиум для протогониста, имя которому – речь?» [Тупицын, 1998, с. 14].

Именно в русском речевом пространстве эти единицы бытуют как тексты, вобравшие в себя всю энергию отечественного коммунального говорения.

Хотя считать нечленимые высказывания явлением только русской разговорной речи невозможно. В 50-е годы XX века автор «Основ структурного синтаксиса» Л. Теньер писал: «Междометия в действительности... представляют собой не тип слов, а тип предложений. [...] Например, для того чтобы выразить боль, достаточно одного междометия типа французского *aié* ‘ой!’ Тем самым это междометие служит эквивалентом целого предложения... Некоторые междометия способны выразить столь сложные и столь тонкие состояния души и разума, что их невозможно передать одним предложением, и для того, чтобы сформулировать их семантическое содержание, требуются длинные перифразы... Например, междометие *parbleu* ‘черт возьми!’ передает ни больше ни меньше, как горделивую уверенность, проявляющуюся в восклицании, которым разум реагирует на некоторую вещь, которую он хочет, с известной долей рисовки, представить как совершенно очевидную и заурядную... Семантический анализ выражения *a la bonne heure!* ‘в добрый час!’, обозначающего одобрение, выражения *allons dons* ‘помилуйте!; не может быть!’, обозначающего сомнение, и многих других подобных выражений, представляет не меньшую трудность» [Теньер, 1988, с. 110].

8

Нечленимые конструкции – это пласт текстов, обладающих целым рядом свойств, настолько трудно описываемых, что к ним на протяжении вот уже двух столетий без особого, впрочем, успеха, обращались многие, и не только лингвисты. В результате изучения о них сложилось следующее представление в отечественной лингвистике.

Это единицы разговорной речи, специфическими стилевыми чертами которой являются «непринужденный и даже фамильярный характер речи (и отдельных языковых единиц), глубокая эллиптичность. Чувственно конкретизированный (а не понятийный) характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и эффективность» [Кожина, 1983, с. 210]. «Типичными (но не специфичными) стилевыми чертами разговорной речи является идиоматичность и известная стандартизованность, личностный характер речи и некоторые другие. Все это находит яркое и последовательное выражение в составе употребляемых в этой сфере языковых единиц и особенностях их функционирования» [Кожина, 1983, с. 210].

Нечленимые конструкции экспрессивны и эмоционально окрашены, выражают модальную, эмоциональную оценку или побуждение, утверждают или отрицают, соглашаются и протестуют, запрашивают информацию или недоумевают, суммируют общее впечатление от чего-либо или кого-либо, а также позволяют дать «уклончивый, неопределенный ответ на поставленный во-

прос», являясь реакцией говорящего на предыдущее высказывание или создавшуюся ситуацию [Грамматика русского языка, 1954, с. 83]¹.

Эти единицы высокочастотны², «употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников, а также в монологической речи при подтверждении уже сказанного, при возражении самому себе и в других подобных случаях» [Там же, с. 80]. Они всегда оценочны и интонационно подчеркнуты³, а следовательно, реализуют

¹ По наблюдениям авторов «Грамматики русского языка», «таковы утвердительные и отрицательные предложения, состоящие только из утвердительных или отрицательных слов да и нет, модальных слов и частиц, употребляемых в функции отдельных предложений (ВЕРНО!; ЕДВА ЛИ!), междометий слов, близких к междометиям, выражающих эмоциональную оценку высказывания или побуждение к совершению какого-либо действия. Такие предложения называются словами-предложениями» [1954, с. 80]. Подобные же характеристики встречаются у современных исследователей этих конструкций постоянно. Так, И. А. Блохина отмечает, что «с их помощью выражается отношение, оценка речи собеседника или его самого» и, решая вопрос о значении и языковой природе этих «междометных высказываний», подчеркивает: «...в конкретной ситуации непосредственного общения междометные восклицания передают разнообразную эмоциональную информацию – посредством их говорящий «экспрессивно подтверждает то, что слышит, поддерживает собеседника, подкрепляет контакт общения (НУ ДА! А КАК ЖЕ! ЕЩЕ БЫ!)», выражает «радостное удивление при встрече», «поддерживает контакт, внимание и понимание, сопереживание и сочувствие» [Блохина, 1988, с. 83–84].

² «...подобные восклицания постоянно встречаются в нашей обиходной речи» [Блохина, 1988, с. 83]. Характеризуя разговорный синтаксис, А. Н. Васильева отмечает: «Наблюдается активность междометных фраз (ОЙ ЛИ?; ВОТ КАК?; БАТЮШКИ!; ВОТ ТЕБЕ НА!), фраз-предикативов, усиленных эмоционально-экспрессивными частицами (НУ И СИЛА!; ВОТ ТАК СКАЗАЛ!) и фраз с постоянными конструктивными элементами (НАДО ЖЕ...; ЕСТЬ ЖЕ...; ТОЖЕ МНЕ...; ТО-ТО И ОНО, ЧТО...) [1971]. Именно частотность, по мнению Л. Б. Матевосян, является критерием установления стационарного статуса тех или иных коммуникативных единиц. Так, по ее подсчетам, в пьесе Э. Володарского «Беги, беги, Вечерняя заря» из 2 545 предложений-высказываний 952 (= 37,4 %) составляют «предложения-формулы, разговорные клише, так называемый разговорный стандарт, принадлежащий узусу языка» [Матевосян, 1989, с. 79]. Автор заключает: «...вот почему их изучение сегодня представляет интерес» [Там же].

³ «В русской разговорной речи существует целый ряд конструкций, которые употребляются только в роли своеобразных экспрессивных оценок и ограничены интонацией» [Шмелев, 1976, с. 92]. Ср.: «Вера не требует проверки. Проверка поэтому закрепляется у таких людей простым утверждением: это, мол, так, – только и всего. Уверенность выражается в решительности тона, а тон этот является источником внушения. Он заразителен. Он заменяет собою доказательства. Такая “доказательность тона” издавна является одним из мо-

тенденцию к стандарту¹. Здесь представляется уместным процитировать Э. Сепира, утверждавшего: «Люди делают то, что они делают, в значительной мере еще и потому, что они открыли для себя, что легче всего и, с эстетической точки зрения, предпочтительнее всего подгонять свое поведение под более или менее устоявшиеся формы, за которые никто конкретно не отвечает, природа которых никому толком не ясна и которые – можно даже сказать – столь же явно присущи природе вещей, как пространству присущи три измерения» [1993, с. 609]. «Иными словами, – продолжал Э. Сепир, характеризуя бессознательные стереотипы поведения в обществе, – стереотипы социального поведения вовсе не обязательно обнаруживаются при простом наблюдении, несмотря на то что в реальной жизни им могут следовать подчас с поистине тиранической последовательностью. Если мы в состоянии показать, что нормальные человеческие существа как в заведомо социальном своем поведении, так и в том, что считается индивидуальным поведением, действуют в соответствии с глубоко укоренившимися культурными стереотипами, и если, далее, мы в состоянии показать, что эти стереотипы не столько осознанны, сколько ощутимы, и поддаются не столько сознательному описанию, сколько бесхитрому использованию их на практике, – тогда мы вправе говорить о “бессознательных стереотипах поведения в обществе”. Бессознательность этих стереотипов заключается не в какой-то таинственной функции национального или общественного мышления, отраженных в умах отдельных членов общества, а просто в типичной для индивида неосознанности тех структурных особенностей, границ и значащих элементов поведения, которыми он имплицитно все время пользуется» [Там же, с. 598]. Речевой стандарт обычно «предполагает ограничение разнообразия, снимает «на какое-то время... антиномию говорящего и слушающего» – «и потому в стандарте заинтересованы и говорящий, и слушающий», и вместе с тем зачастую свидетельствует «о бедности и шаблонности мысли и речи» [Матевосян, 1989, с. 79]. «Механизм образования стационарных предложений определяется тем, что множественное повторение в общении однотипных речевых ситуаций приводит к тому, что коммуникативные единицы, типизировано обслуживающие такие ситуации, переходят из свободных высказываний в “связанные” – устойчивые формулы» [Там же].

гущестьнейших орудий глупости и лжи. Л. Толстой сказал очень зло и метко в своем дневнике...: “Почему людям глупым свойственны такие уверенные, убежденные интонации? Но так и должно быть. Иначе бы их никто не слушал”. Вводя в обиход речи элемент внушения, волевой тон часто ведет к духовному рабству поддающихся ему людей» [Рубакин, 1977, с. 131].

¹ «Эмоции определяются оценками, которые непременно сопровождают взаимодействие человека с миром других людей и с миром предметов. [...] Оценка заложена в структуре целей, мотивов и программ действий, лежащих в основе деятельностных актов. Сами эти акты, как и вся деятельность субъекта, подчинены действию нравственных, правовых, конвенциональных законов, шире – культурных норм. Так возникают стандарты, определяющие иерархию целей деятельности, коррелирующую с количественными моделями механизма оценки» [Шахнорович, 1996, с. 69]. Об объективации в условиях массовой коммуникации тенденции к стандарту см.: [Черемисина, 1982].

Характеристики нечлененых конструкций, описанные исследователями, полностью соотносятся со следующими чертами коммунального словообмена, на которые указывает В. Тупицын. Так, он отмечает, что основным признаком коммунальной коммуникации явилось единоречие¹, «позволяющее, по словам Ж.-Ф. Лиотара, мгновенно расшифровать образы и эпизоды, чьи структуры образуют охватывающий всех людей коммуникационный код» [Тупицын, 1998, с. 20–21]. Единоречие, продолжает В. Тупицын, реализовывалось в таких чертах «языка, практикуемого на коммунальном “дне” *Civitas Solis*» [Там же, с. 23], как свойственные коммунальному словообмену редуцированность в понимании Л. Выготского (1), усиленная вокализация и склонность к монологичности при общности контекстов говорящего и слушающего (2), стереотипизация и клишированность (3): (1) «...коммунальный словообмен – особенно когда он происходит с оглядкой на экстракоммунальное Сверх-Я – редуцируется до предикатов. С одной стороны, мы вынуждены согласиться с Адорно, сказавшим, что “простые предикативные предложения называются аффимативными, поскольку анонсируют акты синтеза”. С другой стороны, это указывает на связь с тем, что Лев Выготский называл “внутренней речью”, или эндофазией» [Там же, с. 22]². В. Тупицын продолжает: «Используя в качестве примера разговор Кити с Левиным в “Анне Карениной” Толстого, Выготский утверждает, что когда мысли говорящих более или менее одинаковы, их речь конденсируется “за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов... Так что в пределе мы, пользуясь методом интерполяции, должны предположить чистую и абсолютную предикативность как основную синтаксическую форму речи”» [Там же, с. 22–23]; (2) «...вокализация в коммунальной речи не уменьшается, а усиливается. В поисках объяснения можно прибегнуть к понятию эгоцентрической речи. С точки зрения Пиаже, эгоцентрическая речь начинает развиваться у трехлетнего ребенка и сходит на нет на пороге школьного возраста. В этот момент она умолкает и превращается во внутреннюю речь. Как отмечает Выготский, “на уменьшение вокализации эгоцентрической речи следует смотреть как... на признак развивающейся способности ребенка мыслить слова, вместо того, чтобы произносить, оперировать образом слова — вместо самого слова”. Обычно уменьшение вокализации связано с исчезновением иллюзии понимания, с осознанием того, что каждая мысль говорящего не есть

¹ «К началу 40-х годов советское “городское крестьянство” не только поглотило и ассимилировало другие формы классовой идентичности (такие как пролетариат и интеллигенцию), но и выстроило для себя собственный “дом бытия”, известный под названием “коммунально-речевая телесность”. Различия погрязли в одноитожии, а языковые игры, задействованные в политике унификации референта, возобладали над риторикой классового сознания. Таким образом, сталинский тезис о политической (а не классовой или социальной) детерминированности языка точнейшим образом резюмирует статус-кво, а именно – достигнутое к тому времени единоречие...» [Тупицын, 1998, с. 19–20].

² В. Тупицын ссылается здесь и далее на работу Л. Выготского «Мысль и слово». См.: [Выготский, 1996, с. 460].

общее достояние. Но в случае коммуналки происходит нечто обратное: стереотипизация и наличие одного контекста – контекста говорящего (*addressor*) и контекста слушающего (*addressee*) – делает эгоцентрическую речь постижимой для других. Вот почему в коммунальном словообмене аудиальное означающее не может быть репрессировано. Однако не всякий эгоцентрический лепет взрослых следует считать коммунальной речью. Эта последняя – учитывая ее незавершенность и эфемерность – не сводится ни к эгоцентрической речи (с ее “влитыми в одно слово смыслами” и “асинтаксическим слипанием слов”), ни к внутренней речи (редуцированной до предикатов), ни к чисто внешним формам звукового контакта “социальная речь”» [Там же, с. 23–24]¹; (3) «Между людьми, живущими в тесном психологическом контакте, понимание с полуслова является скорее правилом, чем исключением, – продолжает Выготский. По его мнению, в некоторых своих проявлениях детская речь “представляет собой коллективный монолог, что проявляется при наличии других детей, занятых той же деятельностью, а не когда ребенок остается сам с собой”. В тех же терминах можно описать и жизнь в коммунальных квартирах, где трудно было остаться в одиночестве и где речь действительно представляла собой коллективный монолог. Фактически это вполне укладывается в рамки представлений о коммунальном бессознательном, но не в юнговском смысле, а как феномен, обусловленный небывальными масштабами стереотипизации, характерными для коммунального гетто. [...] Перифразируя Лакана, можно сказать, что коммунальное бессознательное структурировано как коммунальная речь, и в силу ее клишированности почти все, что вытесняется в бессознательное – за исключением долингвистического, в значительной мере одинаково у большинства обитателей коммуналки» [Тупицын, 1998, с. 23]².

Свойства нечленимых конструкций оказались востребованы в сфере «серийного говорения» коммунального мира, востребованы коммунальным словообменом.

9

Эти единицы кратки³, но краткость их мнима⁴ – они далеко не так бессодержательны, как это принято считать¹.

¹ В. Тупицын отсылает читателя к статье «За пределами коммунальной речи» [Кабаков, Тупицын, 1992, с. 24].

² В. Тупицын ссылается на работу Л. Выготского «Мысль и язык»: [Выготский, 1996, с. 436].

³ Предельно кратки, к примеру, нечленимые высказывания, образованные междометиями – первообразными (такими, как *а, ага, ай, ах, ба, брр, ей-ей, о, ого, ох, увы, улю-лю* и др.) и непервообразными (*батьюшки, боже, господи, дьявол, черт; брось, будет, подумать только, скажите; полно, однако, да уж, ну уж, ну да, ой ли, ну и ну, ей-же-ей*), включая устойчивые словосочетания и фразеологизмы [Русская грамматика, 1980, с. 732], частицами *да* и *нет*, модальными словами *верно, едва ли* [Грамматика русского языка, 1954, с. 80].

⁴ «Во всей своей толще, вплоть до самых архаических звуков, впервые отделенных от крика, язык хранит свою функцию представления; в каждом из своих сочленений, из глубины времен, он всегда именовал. Язык в себе самом

Они понятны каждому носителю русского языка ², но попытка описать их значение сводится либо к синонимизации, либо к подбору членимых эквива-

сть не что иное, как бесконечный шепот именованных, которые перекрывают друг друга, сжимаются, прячутся, но тем не менее сохраняются, позволяя анализировать или составлять самые сложные представления. Внутри фраз, даже там, где значение, по-видимому, опирается на лишённые значения слоги, всегда имеется скрытое именование, форма, замкнуто хранящая в своих звуковых перегородках отражение незримого и тем не менее неизгладимого представления» [Фуко, 1994, с. 137].

¹ «Все содержание таких предложений сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или несогласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания» [Грамматика русского языка, 1954, с. 79-80]. В параграфе 1106 авторы «Грамматики русского языка» (1954) уточняют: «По общему характеру выражаемого содержания слова – предложения распадаются на три основных типа. Одни из них употребляются преимущественно в вопросо-ответных репликах диалогической речи и могут быть или утвердительными, или отрицательными, или вопросительными, выражая, таким образом, определенную модальную оценку предшествующего высказывания и часто получая при этом ту или иную эмоциональную окраску. [...] Другие слова-предложения, не выражая непосредственно утверждения или отрицания, имеют значение положительной или отрицательной эмоциональной оценки высказываемого или создавшейся ситуации. [...] Третью группу составляют побудительные слова-предложения» [Грамматика русского языка, 1954, с. 80]. Или: «Нечленимые предложения – это предложения, которые выражают эмоциональную, волевою, модально-оценочную или контакто-устанавливающую реакцию говорящего на ситуацию, но не называют ни характера этой реакции, ни компонентов соответствующей ситуации» [Скобликова, 1979, с. 145]. Ср. также: «...в них выражаются мысли без субъективно-предикатной членимости, на “определяемое” и “определяющее”, хотя и нечленимые предложения потребляются в речи для высказывания чего-то о чем-то» [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 110].

² «Обычный человек никогда не довольствуется одним лишь содержанием речи, но очень чувствителен к скрытому смыслу языкового поведения, хотя этот скрытый смысл почти не поддается сознательному анализу. В общем и целом не будет преувеличением сказать, что одна из действительно важных функций языка заключается в постоянной сигнализации того, какие психологические места занимают его носители в обществе» [Сепир, 1993, с. 234]. Ср.: «Когда он разменивал квартиру и пришел в домоуправление, там женщина заискивающе добивалась прописки у паспортистки, а та, как в полицейском месте и подобает, жестоко с ней расправлялась; увидев же Андрея, заулыбалась: как чувствует себя отец? Как ваш сынок старший? – и он моментально это принял и подыграл, и когда она сказала женщине: чего вам еще непонятно? Приходите не раньше, чем через месяц, нечего у меня над душой стоять – продолжал быть с ней, то есть против той. Паспортистка подала ему бумаги: вот здесь распишитесь и здесь, – он сказал: здесь? – ах, какой же вы непонятливый! И он подхватил: “У нас кто бестолковой, тот и счастливый”, – наперед

лентов¹, а пословный перевод на другие языки бессмыслен² – приходится опять-таки прибегать к услугам эквивалентных текстов-высказываний. Они судят всегда и обо всем. Им подвластно все – и говорящий, и собеседник, и мир, и сама коммуникация. Они – средство ненаказуемого, но очень эгоцентрического обсуждения себя и других. Они – обслуживают все потребности говорящего – от участия в диалоге (или изображения этого участия) до усталого желания прекратить его, и при этом соблюдать или совершенно ненаказуемо нарушать максимы Грайса. Они и слова власти, и слова, эту власть (как власть собеседника) поддерживающие или отвергающие³. Они членят мир в угоду говорящему на мы – я, ты – вы, я – мир – коммуникация. Они позволяют ненаказуемо и обсуждать, и манипулировать, и, снимая диалогичность, монологизировать участок диалога хотя бы на мгновение, а значит, монополизовать право говорить и сделать другого молчащим, следовательно, подозрительным. Ибо если монолог – всегда диктат, то молчание всегда подозрительно: «В коммунальном мире молчание воспринимается как речевой саботаж, состоящий в утаивании слова, которому надлежит быть общим, коммунальным. Молчащего подозревают в приватизации языке, в частной собственности на слово, что противоречит символу веры коммунального словопо-

---

чутьем зная, что эта фраза понравится. Все, действительно, кончилось как нельзя лучше, документы та заполнила сама, к концу недели позвонила, что дело сделано, разрешение на обмен есть, он поблагодарил – опять несколько горячее, чем нужно, – повесил трубку и вдруг усмехнулся тому, насколько не имели ничего общего “непонятливый”, сказанное ему, и “непонятно” – той женщине. Не – разные языки, а – разные культурные группы. Кивок головой – у нас “да”, у болгар “нет”» [Найман, 2003, с. 80–81].

¹ Ср.: «Когда говорят “нет”, своего отказа не выражают криком; в одном слове здесь сжато “целое предложение: я не чувствую этого или я не верю в это”» [Фуко, 1994, с. 126].

² Ср. построенный на невозможности пословного перевода на английский русских нечленимых высказываний анекдот:

- *Which watch?*
- *Two watch.*
- *Such much?!*
- *To whom how.*
- *Finished MGIMO?*
- *Ask.*

³ Ср.: «Скоро ему было уезжать, и он уже тяготился, что не прямо завтра. Пошел в домовую контору условиться о дате осмотра квартиры перед выездом, и оказалось, что среди ста с лишним мелким шрифтом напечатанных пунктов приложения к контракту, которое он, когда подписывал, естественно, не читал, есть обязывающий его письменно подтвердить за месяц, что он освобождаст жилье именно в обозначенный срок. Он этого не сделал, так что должен заплатить еще девятьсот долларов за следующий месяц... и все-таки в любом жэке можно было в ответ на что-нибудь подобное оттянуть “да пошел ты” и съехать, не оглядываясь» [Найман, 2003, с. 37–38].

рядка. В коммуналке нет места идиосинкразическому, оригинальному слову» [Тупицын, 1998, с. 21].

Изменяясь под воздействием коммунальной речи, нечленимые высказывания «оттачивали» свои свойства. Коммунальный словообмен, коммунальное житие их восприняло, приняло и использовало на полную мощь их свойств, подстроив под свои потребности их возможности в обработке фрагмента действительности, в означивании социума, в «разводке» говорящих по социальным ролям, этими высказываниями назначенным. Коммунальной речью была освоена и присвоена общая прагматическая установка этих конструкций русской разговорной речи – влиться, войти в разговор на своих позициях, заявить о себе, о своих ценностных установках, субъективных оценках – и категоризовать мир в параметрах своей ценностной картины мира. В результате участия этих единиц в процессе коммунального говорения сложилась та русская языковая личность, которую сегодня принято перевоспитывать курсами «Русский язык и культура речи» во всех вузах. А образцы иной, не коммунальной речевой культуры можно только вспоминать, как это делает А. Машевский, когда пишет о своих встречах с Л. Гинзбург: «Возможность слушать ее, спорить, задавать вопросы была не просто редкостным в наше время удовольствием, но каждый раз еще и стимулом к творческому усилию, а может быть, и уроком интеллектуального бескорыстия. Как часто косвенно в разговоре мы выясняем отношения, стараемся отстоять себя или «дружески» потеснить другого! Эти невидимые заряды взаимного соперничества, недоверия и раздражения пронизывают самые отвлеченные темы, заставляя постоянно быть начеку, чувствовать дискомфорт и усталость. Игра самолюбий, привносимая в любую беседу, – явление теперь тотальное, свидетельствующее об уязвимости современного человека, о неумении мужественно сопротивляться всяким и всяческим комплексам. В таких условиях общение из радости превращается в тяжелую обязанность, от которой стремишься увильнуть, до предела ограничивая круг, замыкаясь в себе самом» [Машевский, 2002, с. 147].

Литература

- Аверюшкин А.* География образа жизни // Знамя. 2002. № 4.
Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981. Т. 40, № 4.
Бабайцева В. В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. М., 1987. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация.
Блохина И. А. «Вот это да!» (Междометные высказывания в речи) // Русская речь. 1988. № 1.
Быков Д. Камера переезжает. [Рец. на повести Д. Рубиной] // Новый мир. 2000. № 7.
Варламов А. Пришвин, или Гений жизни // Октябрь. 2002. № 2.
Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978.
Васильева А. Н. Программа по стилистике русского языка для иностранцев. М., 1971.

- Волос А.* Недвижимость // Новый мир. 2001. № 1. URL: www.magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/1/volos.html.
- Выготский Л.* Психология развития как феномен культуры: Избр. психол. тр. М.; Воронеж, 1996.
- Гандлевский С.* НРЗБ // Знамя. 2002. № 1.
- Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2, ч. 2.
- Горланова Н.* Нельзя. Можно. Нельзя // Знамя. 2002. № 6. URL: www.magazines.russ.ru/znamia/2002/6/garl.html.
- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Жолковский А.* Новые виньетки // Звезда. 2001. № 1.
- Кабаков И., Тупицын В.* За пределами коммунальной речи // Творчество. 1992. № 1.
- Киприянов В. Ф.* Нечленимые предложения в современном русском языке как особый структурный тип простого предложения // Русский язык в школе. 1961. № 5.
- Климонтович Н.* Далее везде // Октябрь. 2002. № 2.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика. М., 1952.
- Матвеева Г. Г.* Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д, 1984.
- Матевосян Л. Б.* Ситуативно обусловленные эмоционально-экспрессивные стационарные предложения // Филологические науки. 1989. № 5.
- Матевосян Л. Б.* Стационарные предложения в современном русском языке. Ереван, 1992.
- Меликян В. Ю.* Проблема статуса и функционирования коммуникера: язык и речь. Ростов н/Д, 1999.
- Машевский А.* Мысль, разомкнувшая круг // Новый мир. 2002. № 3.
- Найман А.* Все и каждый // Октябрь. 2003. № 2.
- Новиков В.* Сентиментальный дискурс. Роман с языком // Звезда. 2000. № 7.
- Новиков Н. И.* Опыт модного словаря щегольского наречия // Новиков Н. И. Смеющийся Демокрит. М., 1985.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Поливанов Е. Д.* Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Рубакин Н. П.* Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию. М., 1977.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- Салямон Л. С.* Заметки о поэтической звукописи Пушкина // Изв. АН. СЛЯ. 1997. Т. 56, № 5.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Скоблкова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979.
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Тупицын В.* «Другое» искусство. М., 1997.

- Тупицын В. Коммунальный (пост)модернизм. М., 1998.
 Фуко М. Слова и вещи. М., 1994.
 Хайтова М. Э. «У нас» – это где? // Русская речь. 1995. № 4.
 Черемисина Н. В. Стационарные предложения как коллоквиальный феномен // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1982.
 Чудакова М. Людская молвь и конский топ // Новый мир. 2000. № 3. URL: www.magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/3/chudak.html.
 Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.
 Шахнорович А. М. [Рец.:] Язык и интеллект. М., 1996 // Изв. РАН. СЛЯ. 1997. № 5.
 Шварц Е. Прерывистая повесть о коммунальной квартире. СПб., 1996.
 Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1976.
 Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
 Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР. 1931. Сер. II. Отд. общ. наук. № 1. URL: www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm.
 Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь: Тр. фонет. ин-та практ. изучения языков: Сб. ст. / Под ред. Л. В. Щербы. СПб., 1923. Вып. 1.

Article metadata

Title: Undivided utterances of communal speech «field».

Author: Gus'kova T.P.

Author's e-mail: tag525@hotmail.com.

Author affiliation: «Drofa» Publishing House.

Abstract: The research materials are units defined in the modern Russian-speaking linguistics as «undivided utterances» (V. Babaytseva, etc.) «communicative» (V. Melikian), «communicative» (I. Sharon). The article describes undivided utterances as requested by so-called «language of communal flats» (V. Tupitcin) units of speech. Drawn into the space of «speech twirling» any language units adapt their properties to the needs of communal communication. The author treats undivided utterances as a social «code» of speakers interaction and as a means of everyday picture of the world modeling. The common pragmatic setting of the above mentioned utterances is determined. Russian verbal element for almost a century has been primarily understood as an element of communal way of life fixed in the word. Communal word exchange uses inherent for undivided statements ability to «handle» a fragment of reality, mark social roles of participants of communication, structure the dialogue.

Key terms: undivided utterances, colloquial speech, speech interaction, indirect speech act.

Reference literature (in transliteration):

Averjushkin A. Geografija obraza zhizni // Znamja. 2002. № 4.

Arutjunova N. D. Faktor adresata // Izv. AN SSSR. SLJa. 1981. T. 40, № 4.

Babajceva V. V. Russkij jazyk. Sintaksis i punktuacija. M., 1979.

- Babajceva V. V., Maksimov L. Ju. *Sovremennyj russkij jazyk*. M., 1987. Ch. 3: Sintaksis. Puntuacija.
- Blohina I. A. «Vot eto da!» (Mezhdometnye vyskazyvanija v rechi) // *Russkaja rech'*. 1988. № 1.
- Bykov D. Kamera perezzhaet. [Rec. na povesti D. Rubinoj] // *Novyj mir*. 2000. № 7.
- Varlamov A. Prishvin, ili Genij zhizni // *Oktjabr'*. 2002. № 2.
- Valgina N. S. *Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka*. M., 1978.
- Vasil'eva A. N. *Programma po stilistike russkogo jazyka dlja inostrancev*. M., 1971.
- Volos A. Nedvizhimost' // *Novyj mir*. 2001. № 1. URL: www.magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/1/volos.html.
- Vygotskij L. *Psihologija razvitija kak fenomen kul'tury: Izbr. psihol. tr.* M.; Voronezh, 1996.
- Gandlevskij S. NRZB // *Znamja*. 2002. № 1.
- Grammatika russkogo jazyka*. M., 1954. T. 2, ch. 2.
- Gorlanova N. Nel'zja. Možno. Nel'zja // *Znamja*. 2002. № 6. URL: www.magazines.russ.ru/znamia/2002/6/garl.html.
- Jespersen O. *Filosofija grammatiki*. M., 1958.
- Zholkovskij A. Novye vin'etki // *Zvezda*. 2001. № 1.
- Kabakov I., Tupicyn V. *Za predelami kommunal'noj rechi* // *Tvorcestvo*. 1992. № 1.
- Kiprijanov V. F. *Nechlenimye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke kak osobyj strukturnyj tip prostogo predlozhenija* // *Russkij jazyk v shkole*. 1961. № 5.
- Klimontovich N. Dalee vezde // *Oktjabr'*. 2002. № 2.
- Kozhina M. N. *Stilistika russkogo jazyka*. M., 1983.
- Lomonosov M. V. *Rossijskaja grammatika*. M., 1952.
- Matveeva G. G. *Aktualizacija pragmaticheskogo aspekta nauchnogo teksta*. Rostov n/D, 1984.
- Matevosjan L. B. *Situativno obuslovlennye jemocional'no-ekspressivnye stacionarnye predlozhenija* // *Filologicheskie nauki*. 1989. № 5.
- Matevosjan L. B. *Stacionarnye predlozhenija v sovremennom russkom jazyke*. Erevan, 1992.
- Melikjan V. Ju. *Problema statusa i funkcionirovanija kommunikem: jazyk i rech'*. Rostov n/D, 1999.
- Mashevskij A. Mysl', razomknuvshaja krug // *Novyj mir*. 2002. № 3.
- Najman A. Vse i kazhdyj // *Oktjabr'*. 2003. № 2.
- Novikov V. *Sentimental'nyj diskurs. Roman s jazykom* // *Zvezda*. 2000. № 7.
- Novikov N. I. *Opyt modnogo slovarja shhegol'skogo narechija* // *Novikov N. I. Smejushhij sja Demokrit*. M., 1985.
- Peshkovskij A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii*. M., 1956.
- Polivanov E. D. *Faktory foneticheskoi jevoljucii jazyka kak trudovogo processa* // *Polivanov E. D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju*. M., 1968.
- Rubakin N. P. *Psihologija chitatelja i knigi: Kratkoe vvedenie v bibliograficheskiju psihologiju*. M., 1977.
- Russkaja grammatika*. M., 1980. T. 1.

- Saljamon L. S. Zametki o pojeticheskoj zvukopisi Pushkina // *Izv. AN. SLJa.* 1997. T. 56, № 5.
- Sapir E. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii.* M., 1993.
- Skoblikova E. S. *Sovremennij russkij jazyk. Sintaksis prostogo predlozhenija.* M., 1979.
- Smirnickij A. I. *Leksikologija anglijskogo jazyka.* M., 1956.
- Tesnière L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa.* M., 1988.
- Tupicyn V. «Drugoe» iskusstvo. M., 1997.
- Tupicyn V. *Kommunal'nyj (post)modernizm.* M., 1998.
- Foucault M. *Slova i veshhi.* M., 1994.
- Hajitova M. Je. «U nas» – jeto gde? // *Russkaja rech'.* 1995. № 4.
- Cheremisina N. V. *Stacionarnye predlozhenija kak kollokvial'nyj fenomen // Teorija i praktika lingvisticheskogo opisanija razgovornoj rechi.* Gor'kij, 1982.
- Chudakova M. *Ljudskaja molv' i konskij top // Novyj mir.* 2000. № 3. URL: www.magazines.russ.ru/novyj_mi/2000/3/chudak.html.
- Sharonov I. A. *Mezhdometija v rechi, tekste i slovare.* M., 2008.
- Shahnorovich A. M. [Rec.:] *Jazyk i intellekt.* M., 1996 // *Izv. RAN. SLJa.* 1997. № 5.
- Shvarc E. *Preryvistaja povest' o kommunal'noj kvartire.* SPb., 1996.
- Shvejtsjer A. D. *Sovremennaja sociolingvistika: teorija, problemy, metody.* M., 1976.
- Shmelev D. N. *Sintaksicheskaja chlenimost' vyskazyvanija v sovremennom russkom jazyke.* M., 1976.
- Shcherba L. V. *O trojakom aspekte jazykovyh javlenij i ob jeksperimente v jazykoznanii // Izv. AN SSSR. 1931. Ser. II. Otd. obshh. nauk. № 1.* URL: www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm.
- Jakubinskij L. P. *O dialogicheskoj rechi // Russkaja rech': Tr. fonet. in-ta prakt. izuchenija jazykov: Sb. st. / Pod red. L. V. Shherby.* SPb., 1923. Vyp. 1.